

Ехать на мотоцикле по бесконечному широкому шоссе — и правда невероятное ощущение. Хотя Тан Юйхуэй с трепетом держал скорость в пределах безопасной, казалось, он ощущает ту радость, которую обычно испытывает Кан Чжэ. Тот ждал его только вначале, а потом часто отрывался от Тан Юйхуэя на приличное расстояние.

Когда Тан Юйхуэй, весьма довольный собой, подъезжал, он часто видел Кан Чжэ ожидающего его с сигаретой в руке под дорожным знаком с красными иероглифами на белом фоне. Тан Юйхуэй давно заметил, что манера Кан Чжэ курить всегда отличалась от его собственного представления об этом действии. В этом не было ни декаданса, ни томной двусмысленности. Лицо Кан Чжэ оставалось ясным за табачным дымом, который напоминал пар от дыхания морозным утром, хотя и дым, и пар оставляли в воздухе флёр.

Кан Чжэ, задумчиво смотрел на белые тибетские письма, выбитые на склоне среди травы. Было непонятно, о чём он думает. Местные когда-то объяснили Тан Юйхуэю, что эти надписи — Кандинская песня о любви [1]. «Интересно, умеет ли Кан Чжэ её петь?» — дерзко подумал Тан Юйхуэй.

[1] Послушать можно тут <https://www.youtube.com/watch?v=K6VhJIESchM>

Они вернулись домой, ступая по теням сумерек. У ворот их уже ждала мать Кан Чжэ. Кан Чжэ молча поставил мотоцикл на место, и Тан Юйхуэй так же молча последовал за ним. Эта тишина тянулась с обратной дороги. Никто не был расстроен, но говорить не хотелось: следствие разделённого с кем-то безмятежного дня. Тан Юйхуэй понимал эту лёгкую грусть.

Ради этой послеполуденной поездки, которую можно было назвать прекрасной, ради этого мимолётного единения душ с Кан Чжэ Тан Юйхуэй не только постиг, но даже смог отпустить ту неотступную тоску, что постоянно его преследовала, — тоску, не ограниченную подобными моментами.

Ужин оказался ещё обильнее обеда: перед Тан Юйхуэем поставили два больших котелка для хого — один острый, другой нет. Он сильно смутился: ему казалось, что семья Кан Чжэ к нему чересчур добра. Тан Юйхуэй думал, что не только не может отплатить за эту доброту, но ещё и не слишком благородные помыслы питает.

Отец Кан Чжэ открыл бутылку ячменного вина, которую они принесли утром, и налил Тан Юйхуэю полный стакан. Тан Юйхуэй нерешительно посмотрел на вино, но отец Кан Чжэ, улыбаясь, похлопал его по плечу:

— Ничего страшного, если немного выпьешь, градус низкий.

Тан Юйхуэю очень хотелось взять бутылку и проверить, но Кан Чжэ ловко её забрал:

— Ты им нравишься, пригуби. Если не сможешь допить, ничего страшного, я помогу.

За столом царила ещё более тёплая атмосфера, чем днём. Во время еды мать Кан Чжэ, подкладывая Тан Юйхуэю еду, локтем толкнула разговорившегося после вина мужа. Тот, словно что-то вспомнив, поставил стакан. Его пальцы неосознанно пошарили по столу, и он, немного помедлив, обратился к Тан Юйхуэю:

— Сяо Тан, ты уже столько времени здесь, где успел побывать? Ездил в Сертар и Даочэн? Почему бы тебе не задержаться в уездном городе?

Тан Юйхуэй смущённо ответил:

— Дядя, я ещё не ездил туда, всё время оставался здесь.

Кан-старший ахнул и немного удивлённо сказал:

— Даже в уездном городе не был?

Тан Юйхуэй тихонько промычал в ответ. Отец Кан Чжэ помолчал несколько секунд, затем

понизил голос и с мягкостью старшего тихо спросил:

— А на Мугэцо был? А на Гунгашань?

Тан Юйхуэй сконфуженно покачал головой. Отец Кан Чжэ что-то сказал матери, и они оба тут же неодобрительно взглянули на Кан Чжэ. Тот, положив в свою миску кусок говядины, равнодушно бросил:

— Я тут ни при чём. Он сам никуда не ходит.

Они снова перешли на тибетский. Тан Юйхуэй слышал, как мать Кан Чжэ явно журит сына, но тот оставался безучастным. О чём они говорят — было непонятно. Тан Юйхуэй занервничал и всерьёз задумался, не выучить ли тибетский. Мать что-то сказала, Кан Чжэ задумался и наконец ответил по-китайски:

— Ладно.

Тан Юйхуэй был в полном недоумении, а Кан-старший снова с улыбкой поднял стакан и радушно предложил Тан Юйхуэю ещё выпить. Хотя во время их беседы инициатива исходила от отца Кан Чжэ, в его словах сквозила искренняя забота, словно он действительно беспокоился о Тан Юйхуэе, этом совершенно чужом ему человеке.

Тан Юйхуэй больше всего боялся такой основательной, почти подавляющей доброты, ему хотелось в ответ показать всё своё обаяние. В то же время он находил невероятным то, что в этот вечер, полный радушия и тепла, ему впервые в жизни захотелось кому-то открыться. Но застарелую боль не вылечишь за вечер, поэтому Тан Юйхуэй мог лишь очень мило улыбаться. С одной стороны, он презирал свои тайные чувства, воспринимая их как разрушительную силу, с другой — цеплялся за эту обжигающую заботу, не желая её отпустить.

Ужин затянулся — блюд было слишком много. Тан Юйхуэй не очень любил алкоголь, но ячменное вино, которое купил Кан Чжэ, оказалось удивительно освежающим, мягким и сладким. Обладая приятным ароматом и насыщенным послевкусием, оно не било в голову. Тан

Юйхуэю показалось, что это вино подобно сладкой родниковой воде, и он сам несколько раз предложил родителям Кан Чжэ выпить ещё, чем очень их рассмешил. В какой-то момент он так осмелел, что воспротивился, когда Кан Чжэ попытался помешать ему выпить очередной стакан.

Пока они не встали из-за стола, всё было нормально, но когда Тан Юйхуэй стоял у ворот, прощаясь с родителями Кан Чжэ, он вдруг почувствовал, что мир вращается, кренился под какими-то неправильными углами. Тан Юйхуэй начал терять равновесие и инстинктивно схватился за рукав Кан Чжэ, но его пальцы не коснулись кожи, словно мышечная память запретила прикосновение. Держаться так было неестественно — пьяным обычно прощают любые неловкие движения.

Кан Чжэ с холодным выражением лица посмотрел на свой рукав. Ему очень не хотелось возиться с пьяным, и он подумывал оставить Тан Юйхуэя здесь на ночь, уверенный, что его отец и мать будут только рады. Но едва Кан Чжэ сделал шаг, как его тело внезапно замерло: ладонь ощутила робкое, отчаянное тепло. Пальцы пьяного Тан Юйхуэя, крепко сжимавшие рукав, тихо соскользнули вниз и слабо сжали мизинец Кан Чжэ.

Почти инстинктивно в этот миг Кан Чжэ проникся состраданием. Он понимал, что перед ним не ледяной айсберг, а некто, жаждущий сокрушительного столкновения, чтобы разбиться вдребезги. Тан Юйхуэй с трудом мог сфокусировать взгляд. Подушечки его пальцев скользнули по костяшкам Кан Чжэ, наткнувшись на тонкие мозоли. Он не мог разглядеть, поэтому, полагаясь на осязание, молча замер, вспомнив крылья красной стрекозы, похожие на кокон.

Кан Чжэ ждал довольно долго и уже подумывал отдернуть руку, когда Тан Юйхуэй внезапно разжал пальцы. Он поднял голову, несколько раз усиленно моргнул и, кажется, немного протрезвел. Из его приоткрытых глаз на Кан Чжэ смотрела тихая печаль ночи.

— Мы уже возвращаемся?

Кан Чжэ помолчал, ночная темнота растворила его вздох. Он закатал рукава и, поддерживая Тан Юйхуэя, помог ему идти.

— Пошли.

Пьяные всегда немного тяжелее обычного. К счастью, Тан Юйхуэй, перебрав, вёл себя очень тихо: совсем не буянил, только недовольно хмурился. Не будь он таким смиренным, Кан Чжэ не знал, пожалел бы он о решении везти его обратно или нет.

Ехали быстро. Кан Чжэ притянул Тан Юйхуэя к себе, боясь, что он упадёт, и обхватил его руками свою талию. Сначала Тан Юйхуэй был очень покорен, но потом хмель рассеялся, ему стало жарко, и он начал беспокойно ёрзать, всем телом прижимаясь к Кан Чжэ.

На узком сиденье мотоцикла любое касание ощущалось в разы острее. Кан Чжэ был трезв, но постепенно терял терпение. Он резко отшвырнул руку Тан Юйхуэя, которая бессознательно лезла ему под куртку. Под ночным ветром открытая кожа сразу стала холодной, рука Тан Юйхуэя была отчаянно горячеей. Тан Юйхуэй съёжился. Удар был сильным — на тыльной стороне ладони проступил чёткий красный след. Он, испугавшись, отстранился, ослабив хватку вокруг талии Кан Чжэ.

Но память пьяного коротка: прошло немного времени, и Тан Юйхуэй снова прильнул к Кан Чжэ. На этот раз робости не было, но Кан Чжэ понял — это всё ещё тот же неуклюжий, жалкий Тан Юйхуэй. Он больше не отталкивал Тан Юйхуэя, лишь едва заметно улыбнулся в ночной темноте:

— Ты это нарочно?

Тан Юйхуэй растерянно поднял голову, но смог увидеть лишь спину этой ледяной горы. Он старался разглядеть больше, но с этого ракурса мог различить лишь приподнятые уголки губ Кан Чжэ. Тан Юйхуэй немного растерянно и обиженно сказал:

— Я не пьян.

Кан Чжэ искренне улыбнулся:

— Не пьян? Тогда зачем меня лапаешь?

Тан Юйхуэй надолго замолчал. Незаметно для Кан Чжэ он сильно нахмурился. Сейчас его затуманенный разум никак не мог взять в толк, что говорит Кан Чжэ, но Тан Юйхуэй смутно почувствовал страх и смог лишь правдиво промычать:

— Ты очень холодный.

Кан Чжэ не ответил. Спустя некоторое время, когда Тан Юйхуэй уже клевал носом, он резко свернул на обочину, сбавил скорость и заглушил двигатель. Опустив подножку мотоцикла, он прислонил его к дорожному ограждению, затем опёрся обеими руками о заднее сиденье, развернулся и навис над Тан Юйхуэем, давая понять, что слезать нельзя.

Окутанный резким запахом табака и близостью Кан Чжэ, Тан Юйхуэй мгновенно понял, насколько он жалок. Он знал, что не сможет помешать своему бешено колотящемуся сердцу выдать себя в этой тишине. Он, иссохшее трёхмерное существо, непрерывно сжимаемое силой, носящей имя Кан Чжэ, ожидал заточения в тёмный, безжизненный вакуум.

Хмель ещё не совсем выветрился. Тан Юйхуэй ошеломленно смотрел на Кан Чжэ снизу вверх, не понимая, что тот собирается делать. Далёкие, скалистые и уходящие вдаль склоны гор в ночи казались лишь смутными геометрическими тенями, подёрнутыми слабым сиянием. Лунный свет, словно вода, щедро изливался на звёзды, ярким ковром устилавшие небесный свод.

Однако в более позднем понимании Тан Юйхуэя следующий миг был обусловлен тем, что стрекоза, вспорхнув с его ладони, затрепетала крыльями в далёких тропиках. Этот трепет вызвал неизвестные искажения в самой физике реальности, изменив те две секунды, которых никто не ожидал и которые для мира были полной бессмыслицей.

Прежде чем поднять руку, Кан Чжэ и сам не думал, что подхватит Тан Юйхуэя, затем обойдёт мотоцикл, опустит его и усадит на ограждение. Кан Чжэ не почувствовал ни удивления, ни радости. Он лишь накрыл его ладони своими, успокаивающе похлопав по ним.

Тан Юйхуэй, хоть и был в тумане и не понимал, что происходит, послушно сел на забор, свесив ноги. Его глаза были полны медлительной покорности, он не мог отказать Кан Чжэ. Ограждение было широким, падение ему не грозило, но взгляд Кан Чжэ заставлял дрожать,

словно тот собирался столкнуть его вниз.

Они только что преодолели крутой подъём, Кан Чжэ остановил мотоцикл на повороте. Тан Юйхуэй, зажатый у ограждения, не мог обернуться, но слышал за спиной глухой шум быстрой горной реки. Тан Юйхуэю было жарко, он был измотан. Он мог лишь смотреть на Кан Чжэ затуманенным взглядом, отчаянно желая что-то сказать. Мозг противился порыву, словно зачитывал ему отказ от ответственности, но Тан Юйхуэй всё равно не решался. Когда он уже собрался слезть с ограждения, Кан Чжэ и вправду толкнул его. Тан Юйхуэй едва не вскрикнул, но тут же понял, что толчок был слабым, а на его спине сомкнулись надежные объятия Кан Чжэ.

Кан Чжэ спокойно посмотрел на него и умиротворённо спросил:

— Очнулся?

Хмель от толчка мгновенно выветрился, а душа Тан Юйхуэя ушла в пятки. Он растерянно кивнул:

— Очнулся.

Кан Чжэ снова спросил:

— Ещё пьян?

Тан Юйхуэй тут же замотал головой:

— Нет, не пьян.

Кан Чжэ молча изучал его, и, находясь так близко к Тан Юйхуэю, внезапно улыбнулся. Тан Юйхуэй увидел, как снова показалось то самое оружие Кан Чжэ — клык, словно минерал, вплетённый в узор человеческого тела, белая глазурированная кость, проросшая из простейшего белка. Спрятав клык, Кан Чжэ очень медленно приблизился, но губы, скрывшие его, были не менее иллюзорны — коснувшись лба Тан Юйхуэя, они словно перенесли его в странствие по далёкому, нереальному сну.

Кан Чжэ немного отстранился и снова спросил:

— До сих пор пьян?

«Странный вопрос», — подумал Тан Юйхуэй. За очень короткий промежуток времени обрывки жизни пронесли в его сонном разуме: язык неорганических веществ, механический блеск формул, уравнения, заполнявшие доски и страницы, — всё, что он понял и освоил, теперь прощалось с ним. Он не знал, как ответить и осторожно изменил ответ, неуверенно пробормотав:

— Немного...

Кан Чжэ хмыкнул — было непонятно, доволен ли он ответом, — а затем снова приблизился. Лунный свет, должно быть, в это мгновение открыл Тан Юйхуэю все семь отверстий, иначе как объяснить, что он вдруг понял это движение. Кан Чжэ целовал его. Язык скользил по внутренней поверхности рта, проходясь по каждому зубу, глубоко и яростно вторгаясь внутрь. Но его прохладные, тонкие губы, напротив, создавали ощущение невероятной близости, тепло переплетаясь с ним в чувственном танце. Они с Кан Чжэ целовались. Осознание этого мгновенно успокоило его душу. Поцелуй был недолгим, но Тан Юйхуэй очень хотел измерить его световыми годами: и звучало красиво, и было результатом долгого пути.

Отстраняясь, Кан Чжэ улыбался. Неизвестно, намеренно ли, но его клык легко скользнул по губе Тан Юйхуэя. Он увидел, что глаза Кан Чжэ, отражая лунный свет, всё так же отливают синевой — прекрасные, словно эта синева проделала долгий путь, явившись из-за облаков, где скрывалось её чистое, ясное сияние. Тан Юйхуэй не знал, очнётся ли он от этого сна, но всё же с лёгкостью закрыл глаза.

От автора:

Рождённый айсбергом должен любить течения и ветры, а нечаянно встретив другой айсберг, всей душой полюбить и его. Ван Сяобо «Нежность, подобная воде»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130174>